

О Ленине

Мне дорога Москва не величием исторической своей седины, а обликом сравнительно недавним. Далек от благообразия любимый лик моей Москвы. Он слишком щетинистый и напряженный, чтобы внешне казаться красивым. Но внутренне прекрасен, как символ моральной силы народа, воплощение упорства человеческой воли.

Именно такой я увидела нашу столицу впервые, когда мне было шестнадцать лет. В молодости неотразимы впечатления именно воинствующей жизни. Из далекой Сибири на очень короткий срок приехала я в Москву 1905 года. Я видела людей недавней революционной Москвы, и этот краткий срок стал значительным этапом моей юности. Рассказать сейчас кратко о нем я не могу, но нерушимо храню благодарную память о встречах и людях, с которыми свела меня тогда судьба.

Когда я в 1920 году, по командировке Челябинского губнаробразу, приехала на курсы и на I Всероссийский съезд по внешкольному образованию¹ в холодную, голодную, окруженную иноземной и белогвардейской блокадой Москву, она была мне уже дорога, как земля обетованная.

На Усачевке, в общежитии, выделенном для нас Социалистической академией народного образования, в доме, занятом убежищем имени неизвестного нам Гензеля для каких-то благородных вдов и старых дев, нам было холодно и голодно.

Из своего скудного питания Академия смогла выделить для нас лишь еще более скудное, абы — ноги не протянуть. По ночам мы разобрали на топку все ближайшие дощатые заборы. Их не хватало, мы мерзли, согревались танцами в самые неурочные ни по времени, ни по душевному нашему настроению часы. Благородные девы и вдовы не допускали нас, чтобы согреть чайник на общей плите, и неустанно пиявили нас слезливым причитанием о прегрешениях Советской власти против них. Когда я вспоминаю об этих «дамах из общества», их назойливые жалобы снова «юзжат» у меня в ушах. Вдовы являлись главным злом нашего трудного быта. Они были злобны и жалки — отвратительное сочетание! Все остальные трудности нашего быта мы преодолевали легко, потому что были счастливы в основном: в своем мироощущении. Перед нами были раскрыты ворота в новый мир, в новое, небывалое на земле Советское, социалистическое государство. И суровая Москва тех лет была его столицей.

В том же году, на Всероссийском съезде по внешкольному образованию, в зале особняка в Малом Харитоньевском переулке, я увидела и услышала Ленина. Было холодно в зале. Особняк не отапливался совсем или очень мало отапливался. Мы сидели

в рядах, не сняв верхней одежды. Коллонтай на трибуне стояла в зимних ботах и теплой кофточке. Она — прекрасный оратор. Я больше не слышала ни одной женщины, кроме нее, которая умела бы так заставить свой голос не звучать определенно женскими нотами, хотя говорила она о женской психологии, о средствах раскрепощения личности жен и матерей. А. Коллонтай — всегда оратор, никогда — не ораторша. Оттого с предельным вниманием ее слушали люди обоего пола, сидящие в зале.

Но как это случилось, я до сих пор не могу себе объяснить, как вдруг оборвалось это внимание слушателей. Словно внезапно выключили электрический ток. И Коллонтай замаялась, оглянулась назад. В дверях, ведущих на возвышение, занятое президиумом съезда, появился небольшого роста человек в черном распахнутом пальто с барашковым воротником, с шапкой в руках. Показался он в дверях на самое короткое мгновение и скрылся из виду. Но в одно мгновение этот небольшого роста человек, как великан, как некая громада, занял собой все вокруг. Вдруг не стало ни аудитории, ни президиума, ни стен барской залы, ни замечательного оратора на трибуне. Один он, его присутствие! Я решительно не помню, как закончила свое выступление Коллонтай, не знаю, каким образом мы все взглянули в дверь на возвышении именно тогда, когда на миг в ней появился Ленин. О том, что он придет и будет говорить для нас, нам не было известно. Во всяком случае, рядовые участники съезда не знали об этом, но весь зал интуитивно взглянул на дверь с одной общей мыслью: это Ленин. Я даже не помню, была ли овация, когда Ленин вышел уже на трибуну. Или мы не смогли внешним образом шумно проявить огромное наше волнение, или сам он властно пресек радостные наши рукоплескания. Я не помню. Как будто сразу он заговорил, уверенно и просто, с двумя-тремя своими единомышленниками об одинаково интересующем их деле, а не с большой и еще очень разнородной по духу аудиторией внешкольных работников. Эта речь его известна. Я не буду ее цитировать. Какое большое организующее значение имела она для нас в дальнейшей нашей внешкольной работе, вообще для дальнейших путей внешкольного образования в Советской стране, это — тема не для данной странички моих воспоминаний. Ленин говорил, в зале стояла та изумительная тишина, при которой кажется, что и дышит здесь один — тот, который говорит. И смотрели мы на него всепоглощенным зрением, чтобы сохранить его образ в себе, унести с собой навсегда в свою отдельную человеческую жизнь. И слушали так же, чтобы донести в свою жизнь каждое ленинское слово во всей его полноценности. Так слушала Ленина всякая аудитория. Его словам даже враги не сразу находили в себе отпор. Для меня этот день стал жизненным откровением. Он опре-

делил мое трудовое место в стране, весь мой дальнейший рабочий путь — внешкольного работника, позднее — литератора.

В 1942 году я снова жила в суровой Москве. Но и на затемненных улицах, на стесненных рабочих местах, в холодных жилищах, в быту военного времени, полном всяческих лишений, — люди советской Москвы бодро двигались, творили, жили, как мировое бродило человеческого достоинства, как хранители светлых идей справедливости в мире, окутанном мракобесием фашизма. И наш свет победил. Я люблю Москву грозных лет, ее внутренней мужественной красоте.